

Внутренний мир колдуна, казалось, разрывался от жестокой борьбы, и это напряжение выдавалось в его тяжелом, прерывистом дыхании. Его рука все еще сжимала шею Чжоу Хуайцзина, а липкое, горячее дыхание обжигало лицо юноши.

Неизвестно, стало ли это следствием слишком сильного сдавливания, но из горла Чжоу Хуайцзина вырвался тихий стон боли.

Этот звук мгновенно разбудил дремавшего внутри зверя. Зрачки Лу И сузились, дыхание участилось, словно он учуял любимый запах крови, и ему стало труднее сдерживать темные порывы. Не в силах больше сопротивляться, он впился зубами в шею того, кто был у него на руках.

Нежная кожа шеи оказалась под зубами, боль пронзала с каждым вдохом. Чжоу Хуайцзин рефлекторно начал вырываться, словно снова оказался в той ночи перед своим перерождением.

В отличие от ослепительного солнечного света, заливающего всё сейчас, та ночь была освещена лишь холодной луной, и тогда этот человек точно так же пытался забрать у него его дыхание.

Чжоу Хуайцзин широко распахнул пустые глаза, в которых блуждала тонкая влажная дымка.

Этого не должно было происходить.

Шея Чжоу Хуайцзина пронзила боль, и ему почудился запах собственной крови — она, казалось, манила того жаждущего демона высосать её до последней капли.

Тот человек забирал его кровь, а вместе с ней намеревался высосать и душу.

Чжоу Хуайцзин больше не колебался и, сосредоточившись, экстренно вышел из игры.

Лианы бессильно опустились на хрустальный гроб — внутри уже никого не было.

В объятиях Лу И внезапно стало пусто. Мозг, затуманенный вкусом крови, на мгновение онемел, и только спустя несколько секунд он осознал, что человек перед ним исчез.

Чжоу Хуайцзин покинул игру и сел на кровать, крепко обнимая одеяло.

Он провел рукой по шее — ни ран, ни боли, ни крови.

Кожа была гладкой и безупречной.

Но вселяющий дрожь ужас был неоспорим. Даже сейчас его тело продолжало сжиматься от страха. Это была физиологическая реакция, инстинкт самосохранения, включившийся при угрозе жизни.

Услышав шум, Цюцю запрыгнул на кровать и уместился у него на руках. Чжоу Хуайцзин машинально прижал щенка и погладил его по голове, с недоумением размышляя о том, почему этот человек так сильно хочет его съесть?

Хотя он и хотел бы угодить аппетиту того человека, страх заставлял его уклоняться.

Если бы нашелся способ, который устроил бы обоим...

Он достал из шкафа свой блокнот, но вдруг вспомнил, что вышел в такой спешке, что забыл спросить имя того человека.

Посмотрев на шлем, он долго колебался, так и не набравшись смелости войти в игру и проверить, остался ли тот там.

Однако он подумал, что голос, который он слышал, возвращаясь на машине Лу Чана, не был галлюцинацией. Вероятно, тот человек как-то связан с Лу Чаном.

Чжоу Хуайцзин взглянул на время — два часа ночи. Он решил позвонить Лу Чану на следующий день. А сейчас ему нужно было тайком вернуть шлем в кабинет.

Он посмотрел на Цюцю, который радостно высовывал язык и вилял хвостом, и впервые почувствовал легкую головную боль.

Утром, когда дядя Юнь, долго стучавший в дверь без ответа, всё же распахнул её, второй господин Лу сидел в инвалидном кресле, одетый в тонкий шелковый пеньюар, и, казалось, все еще спал.

На фоне тусклого утреннего света его фигура казалась одинокой и печальной.

У дяди Юня щемило сердце, и память мгновенно вернула его в прошлое.

Когда Лу И только что сломал ногу по приказу старого господина Лу и его, едва живого, вытащили из темной комнаты, он был худым и маленьким, словно скелет, обтянутый кожей. Кто бы мог подумать, что это второй молодой господин семьи Лу?

В то время правая нога Лу И не двигалась, и он целыми днями сидел в инвалидном кресле, сам катил его к балкону и молча наблюдал, как слуги снуют взад и вперед.

Иногда Лу И смотрел на Лу Чана, играющего на газоне, а Лу Ин с женой окружали своего первенца, и семья смеялась. В глазах второго господина Лу плескалась темная глубина, и никто не знал, о чем он думает.

Дядя Юнь ухаживал за него много лет и видел его в самые тяжелые времена. Каждый раз, глядя на то, как Лу И одиноко сидит в кресле и спокойно смотрит на семью Лу Ина, он не мог сдержать горечи.

Конечно, дядя Юнь, будучи человеком опытным, но не жестокосердным, и не подозревал, что в те дни Лу И думал лишь об одном: «Они мешают». И много лет спустя он успешно разлучил семью из четырех человек, разбросав их по разные стороны Тихого океана.

Когда второй господин Лу повернулся к нему, дядя Юнь впервые увидел на его лице такое выражение растерянности со времен его шестнадцатилетия. Глубокие тени под глазами выдавали бессонную ночь; одежда висела мешком, обнажая широкую грудь, хотя волосы были аккуратно уложены. Это говорило о том, что под маской безразличия в душе бушевал шторм.

Дядя Юнь сделал вид, что ничего не замечает:

— Второй господин, завтрак готов.

Лу И, опираясь на трость, встал с кресла. Накануне нога ныла, и после полуночного выхода из игры он просидел у окна на холоде. Утренняя сырость все еще витала вокруг него, и он до сих

пор не до конца отогрелся.

Он сделал шаг к умывальнику, но остановился и, повернув голову к дяде Юню, спросил:

— Приглашения на семейный ужин, которые я велел тебе приготовить вчера вечером, разослали?

— Еще нет. Я сейчас отправлю людей.

Дядя Юнь сначала немного озадачился. Праздник середины осени уже прошел, День основания страны тоже, и вдруг сейчас устраивать семейный ужин, причем не только пригласить Лу Ина с женой, но и вернуть Лу Чана с сестрой, а еще столь странно велеть отправить приглашение семье Чжоу... Неужели с возрастом он стал сентиментальным? Но когда дядя Юнь увидел в списке приглашенных имя Чжоу Хуайцзина, отмеченное красным, он сразу всё понял.

Однако зачем второму господину нужен этот ребенок? Мальчик... Неужели он хочет привести его в качестве будущего мужа? Или, увидев, как счастлива семья Лу Ина, второй господин тоже решил усыновить ребенка, чтобы познать радости отцовства?

Лу И бесстрастно произнес:

— Пока не отправляй. Об этом поговорим через пару дней.

Взгляд его стал холодным.

— И попроси старого господина Циня заглянуть к нам.

Оставшись в ванной в одиночестве, он уставился на свои дрожащие руки, сжимавшие зубной стакан, и в глазах мелькнуло раздражение. Только он знал, что разгоревшаяся жажда крови до сих пор не утихла.

Гладкая кожа, хрупкий юноша, дрожащее тело.

Всё это заставило давно подавляемые мысли вырваться на свободу.

Он хотел с силой прижать этого юношу, грызть его, высасывать, чтобы кровь расцвела алыми цветами на его белом теле, притягивая и погружая его в бездну.

Он хотел, чтобы тот человек растаял в его объятиях.

Только разорвав его на части и съев, он смог бы успокоить свою невыносимую тьму.

Но когда вернулся разум, Лу И мог лишь бессильно смотреть на свои руки.

Никогда прежде он не чувствовал себя столь беспомощным.

Если бы всё это было реальностью, он бы... он бы чуть не убил того человека.

Его рассудок постепенно покорялся безумию, и он со стороны наблюдал за тем, как этот сумасшедший пытается окрасить тело того человека кровью, словно лепестки персика в марте.

Но он не жалел об этом и не чувствовал удовлетворения.

Единственный страх, который он испытывал, — страх потери.

Если бы, съев того человека, он смог бы обладать им вечно, он бы сделал это без колебаний.

Или же превратил бы его в изящную куклу и поставил в сокровищнице семьи Лу, полной редкостей.

Тот мальчик застыл бы в вечной улыбке, его чистый взгляд был бы устремлен на него.

А он каждое утро, когда воздух еще влажен от росы, а на горизонте едва брезжит свет, совершал бы омовение, зажигал благовония и мягкой, дорогой сучжоуской шелковой тканью бережно вытирал бы его лоб, ресницы, прямой нос и алые губы, удаляя каждую пылинку.

Или каждой лунной ночью, когда свет льется через окна, он включал бы вальс, словно вокруг порхали светлячки, и, держа любимого юношу за руку, переплетая пальцы, медленно танцевал бы с ним, как влюбленные, погруженные в пламя страсти.

Лу И не мог сдержать дрожь в руках; его глаза наполнились смертельной нежностью, доведенной до экстаза.

Семья Чжоу узнала о том, что Чжоу Хуайцзин выступал на сцене с одноклассниками, только на следующий день, и не от него самого и не случайно.

В этот день Чжоу Хуайцзин спал дольше обычного и не встал до десяти утра.

Управляющий, вернувшийся с покупок, был озадачен всей ситуацией.

Была суббота, и обычно в это время молодой господин уже вставал, брал Цюцю и вместе с ним шел на рынок, по дороге здороваясь с соседями.

В этом элитном коттеджном поселке жило не так много семей, и они часто поддерживали деловые или дружеские отношения, поэтому атмосфера была теплой. Соседи особенно любили подшучивать над Чжоу Хуайцзином, вероятно, находя забавным его растерянный, но вежливый вид.

<http://bllate.org/book/16647/1525322>